

Наташа Апрельева

ПОСТОРОННИМ В.

Москва
«АСТ»
Санкт-Петербург
«Астрель» СПб

Наташа Апрелева
Посторонним В.

«АСТ»

2010

Апрелева Н.

Посторонним В. / Н. Апрелева — «АСТ», 2010

Ироничная и печальная исповедь замужней женщины. Ночные записи о дневном: муж, дети, друзья, работа и... воспоминания о давно закончившейся истории с В. Месяц жизни, месяц бессонницы и переполненность прошедшим, и снова «половина первого и не сплю», и снова «соленая вода плещется в голове, булькает в легких, подпирает сердце и проплескивается слезами», и снова будет новый день. Но все равно болит душа и тело, потому что не проходит. НЕ ПРОХОДИТ. Почти сто лет назад Иван Бунин описал Олечку Мещерскую, как женщину с уникальной способностью бескомпромиссно и легко погибнуть, и даже словом не обмолвиться – что от любви. Похоже, это «легкое дыхание» возвращается в литературу, чтобы снова рассеяться в этом мире.

© Апрелева Н., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

15 марта	5
19 марта	12
20 марта	18
21 марта	22
22 марта	26
23 марта	30
24 марта	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наташа Апрелева Посторонним В

Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные; она пламень весьма сильный.

Песнь песней Соломона, 8.6

Мораль есть нравственность б/у, Весьма потрепанное платье, Я видела ее в гробу, Она меня – в твоих объятьях.

Вера Павлова

Моим детям, за то, что они пообещали терпеть и далее такую мать (ехидну). Моей маме (она вообще ангел). Моему мужу, который ничего не обещал, но терпит (пока).

15 марта

23.10

Уффф, начинаю, доктор. С Вашего разрешения, попробую так:

1) сначала описывать день «в продольном разрезе», по Вашим словам; я даже задумалась немного, повспоминала, что это за фигня – «продольный разрез», вроде бы вспомнила, все-таки я инженер-механик (ага, а недавно умножала по сыновей надобности шесть на восемь и получала то сорок два, то вообще... чуть ли не пятьдесят четыре);

2) а потом, потом попробую – это самое письмо.

Ну, что ли, к делу? Пункт первый на сегодня...

23.25

Мой стародревний приятель, бывший коллега, некто Антоновский – странный мальчик, талантливый художник, определенно красивый, но абсолютно сумасшедший (одна из папок на его «рабочем столе» называлась «голова, которую я хотел бы отрезать»), имел очень занятную теорию: сон – временная Смерть, не-сон – временная Жизнь, и если ты проводишь Ночь Без Сна, то пропускаешь очередную Смерть, становишься старше, мудрее, приобретаешь новые черты, новый опыт. Не вполне уверена, что формулирую правильно, Антоновский был нереально умный. Одна девочка, рекламный агент, даже отказывалась с ним общаться по работе, объясняя: «Все равно не понимаю, что он говорит...» Девочка эта прославилась в свое время тем, что, обезумев от собственной недоброжелательности, прокомментировала обморок своей свекрови: «А я ей говорю: Софья Эдуардовна, надо же себя как-то контролировать!»

Это выражение очень прижилось у нас в коллективе и часто использовалось. «Надо же как-то себя контролировать». Удивительно, в каком огромном количестве случаев уместна эта фраза.

23 45

Сегодня утром еду себе в маршрутке, ярко страдаю, потому что наушники как вывалились вечером из сумки, так и скучают, забытые на полу, причем я сознательно их поленилась поднять – уже держала в руках тяжеленный портфель ребенка Павла, плюс обувь, плюс огромный дополнительный пакет с физкультурной формой; так вот, еду в маршрутке, а у води-

теля очень-очень громко играет радио, наверное, «Шансон», а может, еще хуже. (И почему все шоферы подсаживаются на этот «Шансон» – загадка?) «А я сяду в кабриолет и уеду куда-нибудь...» – заливается певица. Блюэээ, знаю я эту задорную песенку, сейчас припев повторят раз сто пятьдесят шесть... И вдруг замечаю, что какоето типа стереозвучание появилось. Неожиданно. Господи. Оказывается, тетенька в желтом мурзилковском берете и болоньевом плаще рядом со мной негромко подпевает: «Если вспомнишь меня – забудь, а вернешься – меня здесь неееет...»

Надо же себя как-то контролировать, на самом деле.

Вы, доктор, мне велели писать все, что приходит в голову, а в голову мне приходит обычно дикая шняга. Ну, Вы уже видите, да?

Сегодня еще. В целях поднятия настроения объявила флешмоб: Мир Сантехники, или Сфотографируй Себя в Зеркале Общественного Туалета. Честно говоря, не уверена, что точно означает термин «флешмоб», подозреваю – когда много народа занимаются какой-либо голимой ерундой. Надо бы все-таки у Яндексса уточнить. Ага. Википедия учит, что флешмоб (*flash mob*) – это заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей (*мобберы*) внезапно появляется в общественном месте и выполняет действия абсурдного содержания. Очень взволновал один из пунктов Правил Мобберов, десятый: «После акции нужно мгновенно разойтись с места действия в разные стороны, не подавая виду, что произошло что-то необычное».

Мне очень подходит.

По этому поводу сфотографировалась в Мак-доналдсе и Деловом центре «Портал», где торчала вместе с Начальником Фединькой.

Относительно Начальников, доктор. Одного из них зовут Фединька, и он похож на Фединьку, а другого – Настоящий Полковник, и он похож – правильно – на Настоящего Полковника.

Собеседование насчет приема на работу Фединька назначил в пивном ресторане, дорогом и модном местечке, удивительно. С одной стороны, удивительно, как пивной ресторан может быть дорогим и модным местечком, а с другой – что там проводят собеседования. Не зная, как должно представлять себя на таком странном деловом randevу, я надела платье с рукавами и гладко причесала кратчайшие волосы. Фединька занял зал целиком, у входа бдительно дежурила его охрана, молниеносно набирая смс-ки сильными пальцами. «Салют, – сказал Фединька доброжелательно, – ну-ка быстренько сочини мне короткое, но емкое начало для приветственной речи ко Дню строителя? Стою я, такой, перед толпой строителей и говорю... говорю... что?»

«Не кочегары мы, не плотники», – содрогаясь от ужаса, пробормотала я.

«Отлично, ты в команде», – расхохотался он, откинулся на спинку стула и жестом подозвал вполощенного официанта, воображая себя при этом, наверное, звездой Голливуда или премьер-министром, солнцем нации. Но был все-таки – Фединькой, хорошим мальчиком с аккуратной стрижекочкой и выглаженной рубашкой, которого в детстве любила мама.

00.00 – Ленинградское время ноль часов ноль минут

Есть у меня такие знакомые. Семейная пара. Теперь уже, понятно, бывшая пара. Называли друг друга исключительно: Сашенька! – Ах, Юленька!

Очень друг к другу с почтением, лебединая, блин, верность, бывало, смотрела на них и с намернувшимися слезами вспоминала одну случайную соседку по больничной палате – в юности я романтически лечила дизентерию – болезнь грязных рук. Вы наверняка в курсе

про это, доктор; соседка эта работала на мясокомбинате, бойцом, и помимо всего прочего запомнилась мне тем, что своего мужа называла только так: «САМ». САМ приходил. САМ сказал. САМ борщ сварил. «Офи-гееет вообще», – я тогда думала, да и сейчас, в общем-то.

А «Сашенька» и «ах-Юленька» очень-очень любили друг друга, буквально всюду вместе: и в бассейн, и в библиотеку, и грядки полоть, и на работу, и с работы, и по хозяйству купить гвоздей или там хлеба; обществу рассказывались милые подробности, вроде того, что Сашенька перед сном расчесывает Юленьке волосы, ровно двести раз, что ли, проводит щеткой, и что Юленька чистит зубы Сашеньке, когда тот устает и капризничает вечером. Просто хотелось слушать стоя. Ничто не предвещало беды. Но на одном из каких-то общенациональных праздников, типа Первомая, Сашенька разбил Юленьке лицо, сильно, погорячился, а Юленька не растерялась и «сняла побои», или как это по-правильному? Короче, Юленька смогалась в судмедэкспертизу, что находится в городском морге, и получила пятьдесят тысяч справок и свидетельств, что ей муж набил рожу и немного сломал девичий нос. Юленька решила подать на мужа в суд и подала на мужа в суд. И был суд, Сашеньку осудили как-то, условно. Но осудили...

Очевидцы рассказывали (врали, суки?), что творческая личность Сашенька попросил разрешения прочитать монолог Чацкого («А судьи кто?..»), но грубый суд ему отказал.

Идеально было бы закончить примерно так: прощаясь в зале судебных заседаний, Сашенька, бряцая наручниками, оглянулся через плечо бородастого конвоира на утирающую слезы безутешную Юленьку. «Сашенька!» – вскрикнула она. «Ах, Юленька», – эхом отозвался он, но это, конечно же, фигня, потому что после суда Сашенька пошел домой без всяких конвоиров, а Юленька – к родителям.

00.05

Случай этот стопятидесятилетней давности мы живо обсуждали сегодня с Олафом, моим дорогим мужем: я собиралась со Снежаной Константиновной, моей дорогой подругой детства, в присутственное место на прием. Снежана Константиновна меня буквально упростила, там намечался какой-то специальный фуршет, чуть ли не «Звезды Губернии» и чуть ли не «с губернатором». Ей на работе дали приглашение на «два лица», а второго лица у нее нет, ну то есть нет именно для официальных и торжественных мероприятий, потому что ведь не со сборщиком же металлоконструкций к губернатору. И Снежана Константиновна искрометно придумала говорить всем интересующимся по поводу, что вот неразвитая подруга (я) упростила ее отдать это самое приглашение на «второе лицо», чтобы круто потусоваться. С губернатором.

Да. А Олаф был традиционно против выхода меня в люди и мечтательно вспомнил неожиданно Юленьку, приговаривая: «А ты знаешь, многих женщин удивительно украшает сломанный нос».

Тем не менее я активно собиралась, наряжалась, рисовала глаза, как в школе на дискотеку, – помню, тогда тени делали из цветного мела с добавлением битых елочных украшений – «для блеску». И вся эта роскошь утрамбовывалась в перевернутую шашку (игра такая – шашки, поддавки, чапаевцы).

Надела свое Черное Платье № 2, с кружевом по подолу, сама, набитая дура, пришивала швом «вперед иголка», Марья-искусница.

Недавняя попытка увеличить парк Черных Платьев до трех штук с треском провалилась. Мне редко когда что-нибудь идет из одежды и обуви. Или эти жуткие зеркала в примерочных возмутительно толстят. Неважно, но обычно свой собственный вид в новом наряде вызывает у меня отвращение. И вот я неожиданно и счастливо встретила потенциальное Черное Платье № 3. Это было чудесное платье, такое черное. Скромный треугольный вырез спереди тонко уравновешивался волнующим нескромным треугольным вырезом на спине. По подолу были хаотично разбросаны аппликации красного и серого цвета, в форме усеченных конусов. Пре-

лесть что такое. Тайно, стараясь не спугнуть фортуны, я просочилась в примерочную. С ненавистью освободилась от пальто, шарфов, двух-трех свитеров и твидовых теплых брюк. Робко посмотрела в зеркало. Платье меня красило, скромный треугольный вырез впереди открывал трогательные ключицы, а волнующий нескромный треугольный вырез сзади подчеркивал бодрый настрой нетолстой спины.

«Хо-хо, – неоригинально подумала я, – хо-хо!»

В примерочную нагло заглянула неприятная продавщица, вертлявая девица с пирсингом в носу, похожим на желтый угорь.

– Ннну нннет... – торжествуя сказала она, – нну нннет... К этому платью не только грудь, а еще и ноги нужны...

Если бы меня в школе хоть сколько-нибудь научили метать гранату, я бы взяла с полу «ничьи туфли на шпильке», оставленные для общественных надобностей, и ловко превратила бы мерзкую лгунью в инсталляцию «Девушка с Каблуком в Глазнице», но гранату метать меня не научили совершенно. Равно как и японским народным приемам борьбы, когда силой разума заставляешь человека откусить свой собственный язык и сожрать его.

Я сняла платье. На несуществующих ногах вышла из магазина, полемично открыв дверь пинком.

Уговаривала себя, что не может культурного человека, зрелую женщину интересовать мнение «пирсинга в носу», наверняка уверенного, что «архетип» – это чертовски важный тип, а может, даже и в этом не уверенного. Не уговорила.

00.15

Проверила детей. Спят.

Вечером Павлик учил французский текст, постоянно отвлекаясь от скучного занятия и спрашивая у сестры: «Как будет по-латыни «да» и «нет»?».

Лиза в своем медицинском лице как бы учит латынь. Удивляюсь, откуда взялись эти умные дети, иногда чувствую себя их прислугой-мексиканкой. Дочь Лиза терпеливо отвечала, что ««Нет» – это «нон, нон». А про «да» мы не проходим, да и зачем? Мы же учим медицинскую терминологию, рецепт там выписать, диагноз поставить...» – с великолепной небрежностью объяснила она брату. «Ага, – не сдавался сын, – ага, допустим, но как же тогда сказать больному: «Да, вы – идиот?»»

00.30

А на приеме было как-то скучновато, даже и с кружевами на подоле, нечего делать, кроме, разве что, посмотреть Губернатора, он на д'Артаньяна похож, клянусь, или даже нет: на слугу двух господ Труффальдино из Бергамо.

Приемы и вечеринки со значением я вообще недолюбиваю.

Как-то я считала, что просто блистаю на одной из таких, потому что присутствующие с меня не сводили глаз, провожали восхищенными взглядами и все такое. Просто плыла на волнах обожания, была собой так довольна, что прямо хоть в президенты баллотируйся, а потом оказалось (ужас, ужас!) – что после посещения, очевидно, сортира, я плохо «оправила» платье (Черное Платье № 2, в стиле «нюу лук» с широкой юбкой), и подол его зацепился за колготковый пояс. Остаток вечера прошел как волшебный сон, я стремалась и ныкалась по углам, была дико смущена – все удовольствия. «Что слава? Яркая заплатка на ветхом рубище поэта...»

А если бы я знала, что сегодняшнее мероприятие (районного масштаба) будет происходить в банкетном зале гостиницы «Холлидей Инн», я бы вообще не пошла. В гостинице «Холлидей Инн» мы как-то разово снимали «апартамент» с В., и я вообще удивляюсь, как сегодня

не впадала в кому-двенадцать¹ прямо-таки на роскошных ступенях белого мрамора в розоватых прожилках, похожих на карликовые березы, потому что какая-то из моих внутренностей сгенерировала столько боли... очень много боли...

Причем я уверена, что это было никакое не сердце. Подозреваю желудок, он у меня очень трудолюбив и мстителен, именно оттуда поднимаются и вылетают на свет мои слова, подлежащие-сказуемые и прочие второстепенные члены предложения, а мои слова – это я. Да и наоборот тоже.

Уработала с горя один за другим три бокала шампанского.

Или даже четыре, или даже пять бокалов.

Большая это была ошибка, большая, потому что мне от шампанского сначала становится весело-весело, а потом – грустно-грустно, начинаю вспоминать «былое и думы», чего делать совершенно не надо, учитывая последующее возвращение к Олафу, который мои настроения просто носом чует, просто. Он вообще – хоть и машина смерти и весь чугунолитой – но в своих копаниях и изысканиях во мне утончается до... до прямо не знаю до чего.

00.45

С В. мы пили коньяк, потому что я почему-то с пылом принималась возражать против именно шампанского, уверяя, что в гостиницах его пьют только проститутки – респект Джулии Робертс, безусловно.

Пьем вполне дурацкий коньяк из пластиковой бутылки, а на улице – гроза, тротуары заливают сильный дождь, хлещет по окнам, гремит по блестящей оранжево-красной металло-черепице – по крыше ресторана с одноименным названием «Холлидей Инн». Туда мы собираемся пойти завтра утром на загадочную штуку с названием бранчинг,² я неграмотна и не знаю, что это такое, в чем честно признаюсь. Может быть, завтрак с вином и водкой? В. тоже озадачен, но важничает и утверждает, что чертов бранчинг – обширный завтрак с тортами.

Яркие молнии разрезают темное праздничное небо, как длинный нож праздничный утренний торт.

Я вспоминаю детский стишок в переводе Маршака, по-моему: «Вот две капли дождевые на стекле, они живые. Каждой капле дал я имя: эта – Джонни, эта – Джимми, кто доскачет первый вниз, тот получит первый приз...»

Продолжения я не помню, мои дети уже достаточно большие, а В. очень взволнован судьбой победителя и требует от меня немедленно рассказать стих до конца.

– Забыла я, забыла!..

– Конечно, забыла, – укоризненно качает головой В., он лежит на спине, и его затылок ездит по покрывалу, как причудливый автомобильный «дворник», – как только речь заходит о самых важных вещах...

– А хочешь, я тебе «Королевский бутерброд» расскажу? – пристраиваю свой подбородок на его подбородок. Разговаривать так не совсем удобно, зато здорово весело.

– С набитым ртом? – переспрашивает В.

– Непременно с набитым, – съезжаю я вниз, – а как же без набитого...

– Люблю, когда ты мямлишь, – одобряет В.

«Король, Его величество, Просил ее величество, Чтобы ее величество Спросила у молочницы: Нельзя ль доставить масла На завтрак королю. Придворная молочница Сказала: «Разумеется, Схожу, Скажу Короле, Покуда я не сплю!»»

¹ Последняя по степени тяжести – кома 4-й степени (кома-четыре, как говорят врачи). – Здесь и далее примечания – совместный труд автора и редактора ©.

² Искаженное «бранч» от англ. breakfast и lunch (завтрак и ланч). Подается в выходные в первой половине дня. Часто в меню бранча входит алкоголь.

Перечитала написанное, дааа, дааа, а Вы уверены, доктор, что в этом есть какой-то смысл? Имею в виду, терапевтический?

01.00

Весело, сейчас позвонила Снежана Константиновна, отругала за раннее бегство с мероприятия и с напором сказала, что я должна в пятницу пойти на «обед» с ней, ее новым увлечением из Внутренних Органов и его другом (тоже из Внутренних Органов). А я не смогу, сразу по многим причинам:

- 1) Олаф меня убьет;
- 2) в пятницу я либо туплю дома с детьми, либо туплю дома с детьми и гостями;
- 3) см. пункт 1.

О чем и объявила подруге жизни.

Но Снежана Константиновна сказала, что:

- 1) Олафа она «берет на себя»;
- 2) я обязана.

Снежана Константиновна с детства умеет меня заставить делать что-то, выгодное себе. Например, в четвертом классе она понятно и доходчиво объяснила мне, что мой новый белоглазый болгарский плащ гораздо больше подойдет ей. А мне – к цвету лица – отлично будет ее старая и немного порванная куртка неопределенного цвета, похожего на красный, со сломанной молнией, увязывалась поясом от клетчатого зимнего пальто.

01.30

Два дня осталось до моего следующего Визита к Вам.

Немного переживаю. Боюсь не соответствовать.

Мне кажется, со своим терапевтическим дневником я делаю что-то совершенно не то, что ожидается Вами.

Дневник наблюдений какой-то. За живой и неживой природой.

Был такой у меня, в младшей школе, каждый день требовалось рисовать условными значками погоду плюс отслеживать температуру воздуха. Обычно я не отмечала ничего неделями, а потом на перемене перед Природеведением, от балды, рисовала солнца и облака, кажется, так делали вообще все. Кстати.

Неудобно об этом говорить, даже неловко, доктор, но когда же будет тепло? В эти остервеневшие морозы (в марте! в марте!) я уже и не чувствую ничего. Иду себе, передвигаюсь, думаю иногда, что сейчас как упаду, точно упаду, с негнувшимися руками, ногами и пальцами, и меня закидают грязным снегом и забрызгают жидкой грязью, и я буду лежать с открытыми глазами, а может, закрою их.

А очнусь я числа 27 апреля, не раньше, и побреду домой, в обветшалом пуховике и замызганных сапогах, прихрамывая, а также звеня и подпрыгивая, и буду счастливая, самая-самая, потому что для счастья я хочу, как минимум, чтоб было тепло. И еще – чаю.

02.00

Попробую, не уверена. Вы же знаете, доктор. Ладно.

Ты мне никогда не снишься. Помнишь, как мы смеялись и шутили, что, вероятно, сознанию и мозгу надо отдыхать от мыслей о ком-то и чем-то, пусть и во сне, раз уж в иное время голова плотно забита кем-то и чем-то. Но сейчас так получилось, что я засыпаю локально-ненадолго, и вот вчера – она! – ты мне приснился. Но странный это был сон, странный и страшный, я абсолютно не загоняюсь насчет всех этих толкований, сонников Миллера и девицы Ленорман-Этейла, ты знаешь, а над бедной Машкой с ее бесконечными сновидениями про Николаев-угодников в Красных рубашках я безобразно подшучиваю. Собственно сон:

сидим мы это с тобой в какой-то лодке, в какой, спрашивается, лодке, на какой это такой, спрашивается, речке, и ты дотрагиваешься до меня рукой, до плеча. И твои пальцы не скользят по нагретой коже, не скользят и не упираются в нее, а – проходят – сквозь, спокойно так, без напряжения. И мне не больно, но как-то насторожилась прямо, а потом ты убираешь руку, а в моем плече четыре такие аккуратные дыры, не кровавые никакие, а черные, типа как на передержанной фотографии дефекты – кратеро-образные неприятные отверстия. В моей руке. От твоих пальцев. И я проснулась. И подумала: ты же мне никогда не снишься.

19 марта

23.00

Вспоминаю последнюю встречу с В. Я не знала, понятно, что это такая специальная встреча, что она – последняя.

За полгода до, летом, мы стояли ночью на набережной, потом спустились к самой воде. Я сняла туфли, держа их за каблуки, зашла в реку. Маленькие волны прохладными щеками прикасались к моим лодыжкам, это было нежно, так нежно. На некотором отдалении проплывали живописные рукастые ветки, пустые баклажки из-под пива и пакеты, надутые ветром – на манер парусов. Оглянулась.

Силуэт В. выделялся на темном пустом пляже, был светлее, чем нагретый густой воздух, я не видела выражения его лица – но знала, улыбается. Вышла из воды и пошла, шагая очень осторожно, стараясь минимально испачкать в песке мокрые ноги, разумеется, оступилась и рухнула, раздавив множество миниатюрных дюн.

– Идет бычок, качается, вздыхает на ходу, – сказал В., подавая мне руку, действительно, улыбался.

– Ну уж нет, – сказала я мстительно и сильно дернула за протянутые пальцы. – Садись давай тоже!

– Сесть? Да ты что?! Ведь пляж – любимое отхожее место миллионов горожан! – приторно возмутился он.

Я засмеялась, потому что это были мои недавние слова.

Мы сидели на теплом еще песке, и это было ужасное счастье.

– О чем думаешь? – спросил он.

Поскольку для примитивных женских организмов понятие «счастье» наряду с «хорошо» включает еще и «всегда», я ответила:

– Зиму хочу, и чтоб мы сидели в том самом милом кафе на площади, где есть камин. И пили горячий коктейль или глинтвейн.

Иногда все так и происходит. Мы сидим в том самом милом кафе на площади, официант от длинной спички зажигает витую невысокую свечу, и затоплен камин, и подан в керамических кружечках глинтвейн.

Но мы немного недовольны друг другом. Так, мелочь. Он говорит мне, что не мог дозвониться все утро. Я кривлю губы и отвечаю, что не знаю, почему он не мог дозвониться. «Все, кто хотел, дозвонились», – уже лишнего говорю я, слизывая рубиновые капли глинтвейна с толстенькой горячей кружки.

«И кто эти все?» – ревниво спрашивает он. Сердится. Мне стыдно. Какие еще дешевые уловки. Зачем.

«Оставь, оставь», – прошу я. Широко улыбаюсь. Протягиваю руку, глажу его ладонь в островках шелушащейся кожи – постоянно в резиновых перчатках, раздражение.

Смотрю на мужчину, который занимает почти всю мою жизнь. «Слишком много места, – неосторожно думаю я, – меня уже почти нету самой, – глупо думаю я, – надо бы его немного сократить», – преступно думаю я.

00.30

Только что позвонила подруга Аля и прошипела в трубку, чтобы я не вздумала ходить со Снежаной Константиновной и ее новейшими приятелями на встречу. Снежана Константиновна и Аля – мои одноклассницы, но друг к другу у них ряд взаимных нравственных претензий, и дружат они только через меня, так бывает. С Алей мы сидели за одной партой и доводили учительницу обществоведения тем, что с выражением и по ролям читали стих Роберта

Рождественского «Отдать тебе любовь? Отдай! Она – в грязи! Отдай в грязи! Я погадать хочу! Гадай! Еще хочу спросить! Спроси!..» В восьмом классе Алю полюбил странноватый мальчик Бугров, он написал ей сто тридцать семь писем абсолютно неразборчивым почерком.

А несколько лет назад Алька сама полюбила своего лечащего стоматолога, спала и видела его рядом, с бормашиной наперевес. Записывалась к нему на прием каждый день, но, к сожалению, ее прекрасные зубы скоро подошли к концу – в плане потребностей в лечении. Но стоматолог уже заподозрил своим стоматологическим умом неладное: «Девушка, – сказал он, вынимающая руки в беловатых перчатках из подругиного рта, – вы меня прямо преследуете!» «Какая чудовищная ложь! – с чувством ответила Алька. – Я просто слежу за зубами!»

01.25

Доктор, я не сплю. Тихо в лесу, только не спит барсук...

Сегодня опять видела жену В. Ну как – видела... Иду себе по улице, никого не трогаю и вдруг – глядь! Жена В.! Специально ведь таскалась на нее смотреть – как гуляет со своей мальтийской болонкой, сорок кило собачьего жира под кудлатой грязно-белой шерстью, кличка Афродита.

Это какое-то запретное, извращенное удовольствие, болезненное, жалкое, но не могу себе в нем отказать, доктор. Хотя все относительно, как утром промолвил мой начальник, продавая в банке евро, все относительно, кому 98 000 российских рублей – зарплата за три месяца, а мне вот на замену бокового зеркала у «хаммера» не хватит. Бедный Олаф, если б он знал, он бы свихнулся окончательно, я не про начальническое зеркало, ведь сколько говорено-переговорено, обещано-переобещано, не знаю, есть ли такое слово, а каждую неделю, а то и чаще, я, как намагниченная, прихожу в этот ИХ чахлый скверик, стараюсь еще не повторяться в одежде (Мата Хари доморощенная): чередую пуховик, просто куртку, шубу, дубленку... Знаю, что выходят они около полудня, безобразная жирная болонка и В-вская жена. Мы с Вами обсуждали, доктор, эту ситуацию. Не думаю, что это нормально. Хоть Вы меня и успокаивали.

Сегодня тоже, с мерзким лаем, как обычно, вылетела ИХ собачка (моя дочь в детстве сама придумала и очень гордилась странноватой загадкой: лежит собачка, на хвосте – болячка, никто не мог угадать, доктор, а Вы? речь о спичке идет), мне кажется, что эта Афродита сжирает в день примерно тонну всякой жратвы. За псиной – Она. Маленькая, толстоватая, кажется какой-то слабой, неуверенная походка, немного заплетается нога за ногу... «пучеглазая еврейка без бровей, ресниц и сисек», как поется у Лаэртского... умный Антоновский из рекламного агентства очень ценил Лаэртского, и я, вслед за ним, оценила тоже, слушали так – один наушник у Антоновского в ухе, другой – у меня.

Молодая комсомолка в синей юбочке короткой едет на велосипеде по рабочему кварталу...

Но это я злобствую, конечно, ничего отталкивающего в ее внешности нет, и я представляю, что когда-то пятнадцать лет назад В. без памяти в нее влюбился, гладил по кудрявой голове, заглядывал в темные глаза, называл малышкой.

«У нее светлая голова», – постоянно твердил он, восхищался ее умом, образованностью, а мне хотелось по-дикарски подпрыгнуть к ней на одной ножке, высунуть язык и сварливо проорать: «Умная! Умная! У себя под носом ни фи́га не видишь, умная! А еще очки надела!» Очков, кстати, у нее – нету.

Жена В. – отдельный разговор, доктор, и у меня расплавляются внутренности, когда я ее (случайно, ха-ха!) наблюдаю раз в неделю в ИХ скверике, а я это все равно делаю. Жалкая. Жалкая. Я про себя.

...Надо сейчас же перестать об этом, вот сейчас взять и сменить тему! Все, все.

02.15

Выплыл из спальни сонный Олаф, заботливо поинтересовался, какого хера надо платить сумасшедшие деньги врачу-психотерапевту, если я как болталась по ночам, так и болтаюсь? Муж мой, классический любимчик дам всех типоразмеров, и еще я все время забываю, какой он красивый.

Вообще он молодец, Олаф. Даже и не подглядел, что я тут тюкаю себе по клавишам, а ведь ему интересно, знаю. Вот это и называется у Человечества: самообладание. Наверное, твердо подозревает – хорошо сказано: твердо подозревает – что я описываю ЭТУ МОЮ ИСТОРИЮ с В. А я пока и не начала. Ни словом, не...

Недавно перечитывала Каледина «Коридор», там стих. Вернее, не в «Коридоре», а в небольшом рассказе «Ку-Ку», и я очень, очень люблю его:

«И нальют вина, и без капли вины поднимут круглые кружки выше за тех, кто выжил, за тех, кто вышел сухим из воды и живым из войны... За тех, кто ни разу не был убитым, за кем война не захлопнула пасть, за тех, кому не случилось пасть смертью храбрых на поле битвы... На поле битвы, на битом поле с прибитым овсом и подбитыми танками, где вороны трудятся над останками, а трупы тихо хохочут от боли... Выпьют за бомбы, что не упали, за неразорвавшиеся мины, за осколки, прошелестевшие мимо, за пули, которые не попали... За тех, кто пережил, выжил, ожил, за тех, кто не спит замогильными снами, за тех, кто вынес из боя знамя из собственной продырявленной кожи...»

Я нагло думаю, что это про меня. Из собственной продырявленной кожи...

«Как ты думаешь, я не умру?»

Вот и я не знаю.

02.30

Для успеха терапии все-таки буду писать, бессовестно лицемерю сейчас, потому что хочу на самом деле это вспоминать, обожаю загонять себе иголки под ногти, ходить по лезвиям, вечно трогать больной зуб, прыгать на больной мозоли, посыпать раны солью, ну сумасшедшая, доктор, а другие к Вам не ходят.

03.00

Со Снежаны Константиновны все началось.

Действие первое: «Снежана Константиновна как она есть и ее временная потеря нетрудоспособности».

Подруга моя Снежана Константиновна (девиз «Никто не обидит меня безнаказанно») – очень подвижная – стремительно выбегает из подъезда, забывает дома дочь с ранцем, возвращается за дочерью, бежит к машине, вспоминает, что не выключила телевизор, плюет на телевизор, мчит в школу, препирается с вахтершей насчет сменной обуви, мчит на работу, набирает мой номер и ругается, что я ей не перезвонила вчера вечером, а я не перезвонила потому, что озверевший от многочасовой трепотни муж связал меня телефонным проводом.

И вот два с половиной года назад Снежана Константиновна внезапно и сразу почувствовала себя неизлечимо больной – нашли у нее на очередной диспансеризации какую-то мелкую ерундовину, «фигню подкожную» – так много лет назад моя тетка, врач-терапевт с многолетним опытом работы, после детального осмотра назвала фурункул на спине своего мужа.

Так вот, фигня подкожная Снежану Константиновну очень взволновала, она буквально перестала есть, ругаться с коллегами, воспитывать меня, пить текилу с лимоном и солью и зависать на социальных сайтах.

– Мне надо исключить Самое Страшное, – звенящим по-пионерски голосом заявила она, – и ты поедешь вместе со мной!

Голос-то у нее звенел неслучайно, потому что все школьное красногалстучное детство она была главной по пионерским стихам, словам, делам и поверкам (не помню, что это вообще такое: пионерская поверка, разве пойти у Снежаны Константиновны спросить?).

Я не смогла отказать подруге, да и кто бы мне позволил отказать подруге, и мы поехали в больницу насчет «исключения самого страшного», была зима, средняя температура приблизительно минус сорок пять по Цельсию, берусь утверждать, что это абсолютный нуль, прекрасная погода, не правда ли?

Кабинет, в котором ждали подругу, имел какой-то невероятный номер типа 4478, реально, мы его искали часов пять, все попытки у кого-то что-то уточнить проваливались. Я спросил у тополя. Я спросил у ясеня. Я спросил у месяца. Люди бежали нас. Кругом были только бесконечные коридоры, переходы, холлы, еще коридоры и всякое такое – ну очень Странное Место. Плюс еще я очень хотела в туалет, но... Снежана Константиновна не позволяла мне покинуть ее ни на минуту, требуя поддержки своего изнуренного болезнью тела в режиме нон-стоп.

Каким-то чудом нужную комнату № 4478 мы все-таки обнаружили. Со счастьем рухнули на уютные дерматиновые стульчата, привинченные к полу, я заозиралась в поисках все-таки сортира, потому что уже очень-очень соскучилась по нему, нашла.

Действие второе: «Те же и В.»?

Ну, в общем, да.

Вернувшись к подруге, обнаружила ее испуганно (редкий случай) беседующей с явным доктором – высоким, с взъерошенными светлыми волосами, в зеленом таком специальном одеянии, черных кроссовках «Найк» (а еще уверял, что не смотрит «Хауса»), и с грудой малообъяснимого железа в руках. Это и был В., а я доживала последние минуты Старой Жизни. И если бы кто-то меня спросил, откуда я знала, что через тридцать минут этот чужой мужчина будет целовать мои распухшие губы, разрисованные глаза и пылающее лицо, я бы не ответила. Просто знала.

В общем, подруга моя Снежана Константиновна разговаривала с В., он выражал сдержанное негодование чем-то, тихо кипятился: «По идее, они не имеют никакого права выписывать направление, то-сё...» – на меня посмотрел из-под бровей – недовольно и безо всякого интереса. И тут – опа! – из груди железок отъединилась одна, самая неприятная на вид, и с грохотом упала на плиточный пол, в одном миллиметре от моего замшевого сапога в синей бахиле.

В. сразу приобрел более-менее человеческий вид, присел на корточки и стал с пристрастием осматривать мою ногу. В замшевом сапоге. И синей бахиле. Наши лица установились примерно на одинаковом уровне. И он увидел. И я увидела. Его зрачки прилипли к моим расширенным зрачкам, у меня всегда расширенные, плохое зрение, так вот, прилипли, как локатор к ракете типа земля—земля, как муха к желтой и противной ленте, как набойка каблука в жару к битуму в трещине асфальта, а потом – зрачки немного съехали, симметрично, к носу.

У меня и у него.

Было Слишком Близко.

Таковыми съехавшими глазами мы еще немного посмотрели друг на друга, пока Снежана Константиновна в раздражении не пихнула меня ногой, требуя внимания. Пнуть В. ей показалось не совсем удобным.

– Это кронштейн для телевизора, – объяснил мне В. происхождение упавшей хреновины, – хочу в ординаторскую перевесить...

– Так мне можно проходить? – спросила подружка, нетерпеливо подергивая хорошенькими ножками. Тоже в синих бахилах.

– Минуточку, вас сейчас Алла Юрьевна, наверное, примет...

Снежана Константиновна скрылась за дверь с номером 4478, бросив на меня мученический и неодобрительный взгляд, а В. сел рядом. Потрогал меня пальцем. Осторожно. Руку рукой. («Бедный Олаф, – подумала я, – бедный Олаф...»)

Вот у Вас так не бывает, доктор? Так, что вдруг мгновенно все-все знаешь – вот Этот Человек. И у вас все-все будет: свидания-расставания, беглые поцелуи, лихорадочные снимания одежд в прихожих и на лестницах, болезненные разрывы «навсегда», великолепные примирения (когда «все понятно без слов»), позиционные и окопные войны, классические заморочки: приблизить-отдалить, жгучие обиды, бесконечные ссоры сроком на сутки, мольбы о прощении, страстные признания, приступы ревности и еще раз приступы ревности, прощальные письма, ответы на прощальные письма, дикий секс, и еще раз дикий секс, и еще много раз – дикий секс?

Вы не ответите на этот вопрос...

В дальнейшем нашем с В. разговоре, пожалуй самом важном за прошлые лет десять и определившем (так получилось), что вообще будет со мной дальше, я была удивительно кратка и произнесла два слова. Причем сомнительных.

– А меня В. зовут, – сказал он.

– Я здесь работаю, – сказал он.

– Хирургом, – сказал он.

– Прием займет минимум сорок минут, – сказал он, – а то и больше.

– Может быть, чаю? – сказал он.

– На фиг чай! – сказала я.

– Да! Да! – оживился он. – Тогда в туалет для инвалидов – он пустой!..

03.30

«Тааак, эти окна я домыла, сейчас вот в ванной, и сегодня больше не буду...» – это фрагмент моей оживленной беседы с собой. Вслух.

Привет, дорогая моя, ну как ты? **НУКАКТЫ? ЧЕМ ЗАНИМАЕШЬСЯ В РЕДКИЕ МИНУТЫ ДОСУГА? МУЗЫКОЙ, ЖИВОПИСЬЮ, ХОРОВЫМ, БЛЯДЬ, ПЕНИЕМ?**³ (с)

Моя прекрасная дочь Лиза, читая обязательное по программе «Преступление и наказание», на днях задумчиво сообщила, что родная мать ей напоминает студента Раскольниковва: «Тоже вечно бормочешь что-то себе под нос...»

«Я не вечно бормочу!» – возмутилась я.

Не то чтобы я не видела собеседников, достойных меня, наоборот, наоборот, люди меня интересуют как-то даже слишком, но почему-то с кем бы я ни вступала в диалог, диалога не получается (а жаль!). А что получается, а получаются два монолога: каждый о своем, о своем, и каждый об одном и том же.

Как непересекающиеся множества мы, курс математики. Аккуратные такие кружочки, и ничего внутри. Посмотри на него, а потом сотри⁴ (с).

Временами я хочу, чтобы «в моем» не было пусто хотя бы. Тогда я укореняю там деревья, в формате «через четыре года здесь будет город-сад». Но для города-сада надо работать, ухаживать, унавоживать, белить стволы известкой, бороться с вредителями, прививать какие-то побеги, а мне это скучно, скучно. И вскоре мои лесопосадки погибают, и я облегченно вздыхаю. Потому что баба с возу.

Один из моих начальников, бывший военный и Настоящий Полковник, любит пожаловаться: «Куда солдата ни целуй, у него везде – задница».

³ Из «Компромисса» Сергея Довлатова.

⁴ Из стихотворения Иосифа Бродского: Навсегда расстанемся с тобой, дружок. Нарисуй на бумаге простой кружок. Это буду я. Ничего внутри. Посмотри на него, а потом сотри.

Что-то трудно ухватить главную мысль, да вру, специально ее не хватаю, потому что думать об одиночестве без именно В. – настолько жутко, что я готова отвлекаться на что угодно: на непересекающиеся множества и лесопосадки, на цитаты от шефа, на мытье окон, хоть вот с пользой для домашнего хозяйства.

Может, думать и не надо, тоже мне, мыслительница года, а привыкать – придется. И ты привыкнешь, дорогая моя. Это к холоду невозможно, а новые, хорошие привычки возникают через двадцать восемь дней.

А вот вредные привычки возникают сраззззу жжжже. Наверное, потому, что они такие приятные? В. – моя вредная привычка.

Я до сих пор разговариваю с ним. Иногда мне кажется, что он меня слышит.

Заткнуться на двадцать восемь дней, а потом с радостным криком «невидима и свободна» полетать немного на метле.

Да, Вера, замечательные твои мечты.

Море оптимизма.

«Это мне грустно, потому что», – доходчиво объясняю я.

Но грусть-тоска, этот снулый морок – достаточно конструктивные чувства, из них потом что-то вырастает.

Это даже хорошо (что он зеленый и плоский), когда много всего намешано внутри, – в моей кружке получается «не пусто», а как в утробе у пятнистой акулы: старший зародыш пожирает младших, эмбриональный каннибализм – так и у меня – что-нибудь наиболее дееспособное пожрет остальную муть, и будет мне счастье.

– Ты меня совсем не любишь, – говорит «Имя Розы» писателю Умберто Эко, печально роняя бумажные кружевные листы. – Вот если бы ты меня любил, то не написал бы после меня «Маятник Фуко» и прочую ерунду, с которой меня постоянно сравнивают, сравнивают! Это невыносимо уже, я в глубочайшей депрессии, утром не могу заставить себя проснуться, начать новый день, кому, спрашивается, он нужен, страницы мои не просыхают от слез, не нахожу себе места, терзаюсь, распадаюсь на составляющие, рвусь. Пыталась найти облегчение в пылкой молитве, но никак, никак... Наложил бы на себя руки, но не могу себе этого позволить, как шедевр и жемчужина мировой литературы... а потом, у меня же нет рук. Избавь меня, пожалуйста, от этих мучений, откажись от всех остальных романов, я должна быть единственной, меня не научили по-другому...

– Девочка моя, – усмехается в элегантную бороду ученый с лицом кинонегодяя, – девочка моя, никаких более романов, ты же знаешь – в свободное время я играю в гольф...

20 марта

00.20

Днем загадочно позвонила мама, потребовала, чтобы я встретилась с ней «через сорок минут на углу», в ответ на взволнованные вопросы положила трубку. «Что такое, – недоумевала я, – что?» Мама никогда не встречается со мной «на углу», мама всегда встречается со мной у меня дома, приезжает нагруженная «гостинчиками» для детей, моет мою микроволновку изнутри, чистит и жарит картошку «по-бабушкински» и уезжает с набором книг для прочтения, мы с ней на пару «пытливые читатели», и куда только не дотянулось наше любопытное око, в самом деле.

Ожидая мою маму, а нашу Бабушку с Большой Буквы Лэ, я передумала многое. Завидев знакомый малиновый плащ (мой бывший, достался маме по наследству), просто в два прыжка оказалась рядом. Мама была немногословна. Она сказала:

– Дорогая дочь, должна сообщить тебе некоторые важные новости. Правда, может быть, для тебя уже они совсем и не важные, и ни капли не интересные, потому что на прошлой неделе ты мне не звонила весь четверг, а в выходные позвонила всего два раза. Два раза за целые выходные ты позвонила родной матери! Но я все равно скажу, пусть тебе и все равно, но так уж я воспитана: мы с Петром Алексеевичем уезжаем в Таиланд, придется тебе научиться обходиться без меня. Да! – Мамин голос высоко взлетел, а подбородок подозрительно задрожал.

– Мам, в смысле «уезжаем в Таиланд»? Надолго? Ты решила покинуть страну? Эмигрировать с Петром Алексеевичем?

– Дочь, ты абсолютно не прислушиваешься к словам матери. Мы едем на пятнадцать дней, отдохнуть... развеятьсяааа. – И мама просто зарыдала у меня на черном пальтовом плече, я ее долго успокаивала, уверяя, что две недели пролетят незаметно, поводов для беспокойств за нас у нее нет. – Материнскому сердцу не нужны какие-то поводы! – воскликнула она.

Моя мама – просто идеальная бабушка, иногда мне кажется, что вся ее жизнь до рождения внуков была ответственной подготовкой к бабушкинскому дебюту. Малышку Лизу, например, она с первого дня нашего пребывания дома (мы тогда жили все вместе на Клинической) уложила к себе в комнату и прыгала вокруг нее по ночам, чтобы я высыпалась и не страдала детская еда в виде молока, хотя молока у меня не было с самого начала.

Дети ее обожают. Недавно Павлик целый вечер посвятил обучению бабушки Лэ компьютерной грамотности – ей на работе установили компьютер, и теперь мама вовсю шарится в Интернете. Объясняя ей разницу между операционными системами «LUnix» и «Windows», мальчонка проговорил: «Понимаешь, баб, ну это, если бы ты сравнивала автомат Калашникова и М-16... во всех отношениях».

Бабушка Лэ испуганно согласилась.

01.25

В восемь была уже дома, хорошо, обнаружила на кухне следы жизнедеятельности дочери, а именно: полную раковину грязной посуды и облако гари. Называется «республика Чад» – ребенок Лиза поджаривала омлет. Способная к кулинарии девочка, определенно.

Купила новую книгу Стогова, «Апокалипсис сегодня», читаю.

«Умные ламы смирились: надеются на то, что мир лишь иллюзия, и все есть – пустота. Ламы способны кому угодно объяснить: настоящая жизнь – это смерть еще при жизни. Чтобы жить счастливыми, нужно ничего не желать, ни на что не надеяться, никого не любить. Но тибетские крестьяне таких тонкостей не понимают. Они надеются».

Поняла, что до лам мне далеко.

Еще поздно вечером нарисовался Ше, звонил, как-то разговор у него несколько съехал с традиционных рельсов: 1) Мировой Финансовый Кризис и его влияние на личную докторскую з/пл Ше (в части ее уменьшения, разумеется), 2) чувства Ше ко мне (романтические), 3) перспективы всего вышеизложенного (неясные).

А сегодня он мне с упоением (при слове УПОЕНИЕ или там УПОИТЕЛЬНЫЙ ржу, как стоялая лошадь, вспоминая строки известного автора детективов: «Он положил в рот УПОИТЕЛЬНУЮ телятину Ирочкиного приготовления») рассказывал, что мне надо бросить Олафа, немедленно, по ряду причин (приводились), и пожить какое-то время одной-одной.

С Ше мы познакомились лет несколько назад, каким-то кружным и непростым путем – он был подчиненный бывшего увлечения нашего друга Чернова, в ту пору еще практикующего врача-психиатра. Практиковал Чернов, разумеется, в психбольнице на Нагорной, а его бывшее увлечение заведовал там одним из отделений. Так.

Получается, что Ше – тоже работал в психбольнице? Какого хрена реаниматологу делать с буйнопомешанными, отливать их ледяной водой после шоковой терапии? Спросить.

На самом деле я думаю:

1) пожить «одной-одной» в его представлении – это значит без других мужчин, кроме него;

2) он хочет ко мне приезжать после напряженного трудового дня, плюс еда, плюс секс, плюс УПОИТЕЛЬНЫЕ разговоры, плюс – клянусь! – через малое время он стопудово захочет «стать близкими по-настоящему», оооооо.

Это в себя включает: а) просыпаться, блин, вместе и б) предметно разговаривать друг с другом через туалетную дверь.

Непонятно, почему это так прикалывает взрослых мужчин, я вот, доктор, такая прекрасная, такая прекрасная – небольшие и сугубо локальные промежутки времени, с 9 до 12 или с 19 до 21, а вот пробудившись, я не люблю ни себя, ни мужчин, ни мужчин в себе, ни себя в мужчинах, как-то так, уффф.

А внятно разговаривать я вообще способна после кружки кофе, лучше – двух.

Олаф еще куда ни шло – я практически стала ему родной матерью, или наоборот.

Утешаю его бывшую любовницу по телефону. Зовут Работница-Крестьянка. Простая Рабочая Девушка, на старости лет Олафа потянуло к пролетариату. Вера, оставь свой снобизм, ты смешна. Пытаюсь. Получается не очень.

Такие высокие у нас в семье отношения, на высочайшей ступени социума, блин. Что бы ни означало это выражение.

Не понимаю вообще, почему со мной хотят дружить а) прошедшая Работница-Крестьянка и б) действующая жена Ше – Алусик.

Подозреваю, что просто они видят во мне Дуньку-С-Мыльного-Завода, а не роковую, допустим, женщину, la femme fatale, опасную соперницу, infernalную сумрачную красавицу / К такой бы наверняка не сунулась Работница-Крестьянка со своими пожеланиями и предложениями о том, как лучше лечить Олафа от бронхита, стоматита, аллергии и отита.

Алусик, кстати? – врач-гигиенист, боюсь даже представить, чем она занимается на этой своей работе.

В начальной школе была такая почетная должность среди членов звездочки, о господи, называлась: «санитарка». В обязанности входило проверять чистоту ногтей и рук перед началом уроков, а также были «цветовод» и «командир», более не помню, а ведь еще два места осталось? Ладно, Вера, черт с этой звездочкой, неважно это, неважно.

Ше впервые притащил Алусика к нам в дом играть в покер, осенью, мы по субботам играем в покер с семейством Це, причем Алусик ни минуты не скрывала, что играть не умеет, карты презирует, учиться не считает нужным, и вообще.

Это был тот самый раз, когда я решила поразить всех своим кулинарным искусством и наделала чертову уйму горячих бутербродов по специальной книге, названия поражали: крок-мадам и крок-месье и «яйца сверху», честно говоря, не помню, про что эта вся еда. Поручусь только за яйца – точно, в виде таких мелких яичниц-глазуний.

02.00

Не совсем поняла, что Вы имели в виду, доктор, спросив меня, как я решаю, что записывать в свой «терапевтический дневничок девушки», а что – нет.

Хотя, наверное, все-таки поняла, а сейчас специально вру, чтобы было легче – ну, как обычно. Если бы я **ВООБЩЕ** не регулировала свои мысли, они бы только и были заняты В. и всем около «В-шным». Пусть мы и не виделись полтора года. А мне – пофиг. Оказывается.

Я все-таки мать детей, ответственный работник (КомИнтерна). И все такое.

Вовремя ты вспомнила, дорогая.

02.15

Сходила, укрыла ребенка Павлика. Погладила его ножку. Очень удобно, что в данный момент времени у нас у троих (я, ребенок Павел и ребенок Лиза) одинаковый (тридцать пятый) размер ноги. Хотя, с другой стороны, ничего хорошего в том, что у меня постоянно крадут носки, нет. Дети очень любят именно мои носки, хотят их всегда носить, удивительно.

Сегодня заставляю своего сына причесаться перед уходом в школу. Вечная проблема. Ненавидит умываться, причесываться. Капризничает. Настаиваю. Вздыхает, неохотно и кое-как орудуя расческой:

– Эх, трудно с вами, с женщинами.

– И много у тебя женщин, дорогой сын?

– Ну, ты же женщина. Раз. И Лизка. Два.

– Хорошо, а еще? Две – это немного.

– Мам, ну мне же всего десять лет. А как представляю себе всю жизнь...

02.30

Раньше примерно в это «темное время суток», или чуть раньше, мы перезванивались с В.

Было удобно – все спали, а мы шептались, сдавленно и тайно смеялись или молчали подолгу, я здесь, а он там – через километры грязного городского воздуха, пустынных улиц, кирпичных стен, бетонных стен, линий электропередач и оптико-волоконных кабелей – и никогда не было скучно молчать.

Говорили же абсолютную ерунду, со стороны определенно показалось бы, что беседуют о своем два имбецила, но смысл общения был не в смысловой нагрузке, а в повторяющемся по кругу диалоге, из двух фраз:

– Это ты? – Да, это я.

– Это ты? – Да, это я.

После нашего спорного со всех точек зрения знакомства в больнице он прислал смс, на следующий день. В восемь утра, я ехала на работу, пыталась угреться в маршрутке, слушала музыку в телефоне, через наушники. Знала, что он сейчас объявится. Просто уже покатило колесо, а остановиться оно не может, такое отношенческое колесо.

В двух шуточных смс-ках В. сообщил, что занимается в данный момент изготовлением мемориальной доски на инвалидский туалет, но я поняла, что чувствует он себя неловко, и быстро ответила, что надо не мемориальную доску, а надгробную плиту для моей супружеской верности.

Потому что так оно и было.

Это с В. я пропала, упала, улетела в черную дыру белого кролика, стукнулась молнией, поразила электричеством, маленькие злые токи в каждой клетке перенастроились, создавая мне новое тело, новые мысли, новую жизнь, новую землю и новое небо.

Ничего более, ничего более, а просто вдохнуть – В., и выдохнуть – В. И не дышать – В.

3.00

Все это время сидела как дурочка, мечтательно уставившись в темное окно. Вера. Полтора года прошло.

«А хули толку», – ответила Вера.

Надо подумать, например, о том, что завтра – суббота, холодильник абсолютно пуст, а все захотят, по крайней мере, завтракать.

А многие еще и обедать. Я уж молчу про ужин. Ребенок Лиза предпочитает поздние трапезы.

Чем сидеть и страдать фигней, пошла бы, напекла оладий, что ли, мамаша (Кураж!). Или достала курицу из морозилки. Запечешь детям, они любят.

Фаршированную сыром и булкой.

«Дорогая редакция, любовь это или дружба?» – писали мы в далеком детстве в задорную газету «Пионерская правда».

3.30 – *поздненько-то как уже...*

Вышла неожиданно дочь, испить водички, можно соку, а шоколадки нет? По пути мне кратко и сбивчиво обрисовала ситуацию со своим «бывшим» Данилой (мастером) – Данила «прикиинь, зашел ко мне в аську с неизвестной аськи, типа он Воин Света, типа Джедай, а я с ним такая общаюсь, как с Воином Света, типа Джедаем, и он мне такой говорит: «давай встречаться». А это ж не Данила был ... То есть это – Данила, но я-то думала – Воин Света, типа Джедай... Жееесть вообще, да?»

Внимательно прослушала. Хотела быть полезной дочери, может быть, посоветовать что-то. Материнское. Не смогла. Овца Жужа, белой масти.

Я про себя часто думаю, что изменяю ребенкам, усаживаясь за работу. Изменяю им, не отдавая все свое время, а они-то как раз имеют право на все мое время. Если я положу руку тебе на ладонь, это измена? А если не на ладонь? А если это не я? А если не тебе? Бред бредовый. Также у нас в семье считается, что я изменяю Олафу, болтая с подругами о всякой фигне вечерами по телефону. Им считается. А мной считается, что я изменяю ему, не отправляя тебе это письмо. Договоримся о терминах, не путаясь в теоремах, измену полезному с нужным, измену любимому с мужем не считать за измену... Это Вера Павлова. Это стихи...

21 марта

00.10

Суббота закончена.

Слава тебе, господи. Ужасный сегодня день, худший день за последний месяц, наверное.

Утром на фиг разругались с мужем. Выглядело примерно так:

– Что-то я своей Чашки давно не вижу, с Кораблями... (муж)

– ... (я)

– Что молчишь? Разбила опять, что ли? Только попробуй сказать, что к счастью!

– Дети разбила, недавно. Растворили в ней «Роллтон» для Крыски. Я куплю тебе новую, тоже такую же обширную. (Олаф любит пить чай из бульонной кружки.)

– Купишь! Да что ты купишь! Да где ты ТАКУЮ купишь! Это ж мне Леха подарил, Леха! Сам выбирал! Полгорода обыскал! А ты разбила! Пепельницу хрустальную мою разбила, в форме раковины, мне Димыч дарил, теперь вот придет, спросит: где пепельница? Где? А я? Красней от стыда! Чашку с Кораблями разбила, у меня в этом доме ни одной вещи как не было, так и нет! Чужой я в этой семье, чужой!

– Ну давай, расскажи о своем тяжелом детстве еще...

– Рыбу мою сушеную выкинула! Немного задумалась она, и что? Сразу выкидывать? А эту рыбу мне Ксюха привозила! Ксюха! Своими руками привезла, подарила... Радость мне хотела ПОПЫТАТЬСЯ доставить, хоть кто-то, бля...

– Ага, придет Ксюха, спросит: где рыба моя? А тебе? Краснеть от стыда?

– Не смешно! Стопку с делениями, где свинья и матрос, разбила в прошлом году! Гильотину для сигар сломала! Фирменную! Я ее в Австрии покупал! Чтоб ты знала! Чашку с Кораблями! Это я – ничего?! Я только случайно твою ложку выбросил в мусор...

– Как выбросил? Серебряную ложку?! Которую я ищу неделю уже? Так это ты ее выбросил?

– Да, выкинул случайно. Я – ложку, а ты – чашку.

– Чашка блядская твоя!!! Ста рублей не стоит, я б тебе десять таких чашек купила! А ложка... Прабабкина ложка!!! Выкинул ложку!!! Ооооо, госссподи...

– Ты – чашку, я – ложку...

Естественно, после такого душевного разговора Олаф, ушедши, ступал как дикий кабан-людоед, а я потащила одна в магазины, хоть первоначально, разумеется, планировалось поехать вместе! Вместе! На автомобиле, как хорошая советская семья, простите, доктор, российская, конечно. Приволокла, отдуваясь и ненавидя мужа, сумки с едой.

Детям тоже досталось:

– Лиза! Павел! Расслабились там! Давайте убираться у себя начинайте!

– Меня не касается, меня не касается, я вообще ничего не слышал! – скрывается в своей комнате сын, плотно законопачивая дверь, для надежности баррикадируясь еще и ящиком с игрушками.

01.00

Сегодня заботливой мамаше (мне-мне!) пришло в голову пролистать «Энциклопедию для мальчишек», подаренную ребенку Павлу на десятилетие и упорно им начитываемую вот уже в течение... двух месяцев.

Задорнейшие и удивительнейшие тексты я обнаружила. Зачиталась. Особенно порадовала классификация отцов и матерей. Матери подразделялись следующим образом: Тиран, Железная Леди, Подружка-Свой-Парень, Жадина, Старший Товарищ, Пофигистка, Жертва и Зануда. Отцам пришлось еще хуже: Тиран (как-то однообразно), Дружбан, Хмырь, Враль,

Самый Умный, Охламон, Алкоголик и Нормальный Отец. Расщедрились все-таки. Но отдельно пояснили, что это – большая редкость. Да. Трудно не согласиться.

Увлеченно отыскала главу о разновидностях девчонок, все-таки тоже имела к ним какое-то отношение: Отличница, Светская Рысь, Звезда, Бизнес-Герл, Поэтесса, Мальчишница, Авантюристка, Рокерша, Старушка, Серая Мышка.

Робко спросила у сына, как он меня «посчитал». Сын покровительственно сказал, что я типичная Подружка как мать, а что девочкой, «наверное, была Серой Мышкой, да, мам?». Да, деточка, да.

01.15

Иногда я задумываюсь, а спит ли вообще кто-нибудь по ночам. Сейчас только что звонила моя подруга Алиса, небрежно приглашала меня на свою персональную выставку, небрежно – это чтобы я не вздумала, что Алиска гордится собой и личной персональной выставкой, и не надулась, что вот у меня нет ни выставки вообще, ни особенно персональной.

Алиса – настоящая художница, в нашем доме продуманно развешаны шесть... нет, даже семь ее картин. Продуманно. Это потому, что Алиса сама руководила выбором места для вот этих роз в букете или вон тех маков, небрежно брошенных на стол, а еще мой собственный портрет. Я там на себя не очень похожа, но красивая, очень красивая. В черном платье и с васильками в руках.

Раньше она запросто всем подругам раздаривала свои работы на 8 Марта, новые года и другие «традиционные русские праздники». А теперь Алискины картины всю продаются в салонах.

Подруга еще знаменита сумасшедшей свекровью. В прошлом году Алиса затеяла замену окон в собственной квартире. Свекровь случилась в один из предшествующих событию дней и, вытребовав у снохи синенького Мистера Мускула, принялась намывать старые окна, доживающие последние часы. «Что ж вы делаете, мама?» – выдержанно поинтересовалась закаленная Алиса. «А как ты хотела, милая моя, – отдуваясь, выговорила свекровь, – люди придут стекла вынимать, а они – грязные!»

Радостно ответила Алисе, что ничто не помешает мне затащиться на открытие выставки, выпить шампанским и сфотографироваться в туалете для флешмоба. Алиска перебила меня, заявив, что сегодня (сегодня!) сфотографировалась в Дамской Комнате галереи Вавилон, и попросила сделать то же самое известного в городе мецената и латентного гея, владельца прорвы салонов красоты Юру Шишкина. Одно время я подстригалась у него, пока стоимость моего, по сути, «полубокса» не сравнялась с ценой половины дозы ботокса (полуботокса?). А это дорого. Так вот, Юра Шишкин на фото смотрелся великолепно. Имел волосы, красиво собранные то ли в «косички», то ли в «дреды» – но выглядит это в сто раз лучше, чем звучит. На словах же Алиса отметила, что Юра произносил речь, наотрез запретив всем называть себя «геем». Обоснованно утверждая, что «в русском языке, блядь, нет такого слова – «гей»! Есть – «пидорас»!».

01.30

Вообще, я считаю себя незлобным человеком. Очень давно мой папа сказал так: «У Веры характер скверный, но без настойчивости».

Но меня часто удивляют личные помыслы и порывы. Вот висит на Яндексe в контекстной рекламе баннер «последние гастроли Аллы Пугачевой».

Я смотрю на него и скучливо думаю: затрахала ты меня дико, Алла, блин, Пугачева, запахнуть бы тебе твои гастроли последние в задницу, я таких последних помню штук десять уже, скотобаза ты престарелая.

Или вот выбираем недавно дочери кроссовки, обслуживает нас мальчик с пирсингом в носу, в брови и тремя десятками больших серег в ушах. Нормально так обслуживает. Обходительно. Носится с коробками. Предлагает всякие там типоразмеры. А у меня стучит в голове: оторву тебе серьги твои вместе с ушами и носом, в рот запихну и заставлю глотать, болван тупорылый.

Или вот сегодня. Покупаю сосиски в специальном магазинчике, палатка. Меня милая продавщица спрашивает приветливо: как погода? Я говорю: весна что-то сильно тормозит, а зима надоела... Она не унимается: тепла-то дождемся, как думаете? Я отвечаю: посмотрим. А сама представляю себе, как беру с прилавка весы, тяжелые такие весы, и хреначу ей по башке, хорошо так хреначу, раза три-четыре.

01.45

Точка бифуркации это называется (как я люблю это слово – ооооо, ооооо), когда после каких-то очень незначительных событий система перестает быть прежней, а становится вообще неизвестно чем, другой системой, и не совсем понятно, что и как с ней делать, да и делать ли вообще.

Когда-то, мы тогда еще жили на Алексея Толстого, толпился у нас традиционный народ, точно была Снежана Константиновна, тогда еще замужем за своим Холи Драйвером – это он сам так скромно представлялся, одно время работал водителем такси, это раз, и, судя по всему, holy driver – единственное, что он усвоил из английского языка – это два. Точно были Цэ... Определенно, могли быть.

Дааа, дааа, пройдут каких-то четыре года в наших бесконечных посиделках (Открытый Дом – это же Главная Идея жизни Олафа, он с ней носился с самого начала, мечтал, чтоб у него все толклись на кухне, в гостиной, курили на лестнице и имели возможность заходить к нему хоть днем, хоть ночью. Надо сказать, что все примерно так и поступают).

Пронесутся частые понедельники, среды, редкие пятницы и субботы, полугодовые зимы, двухнедельные весны. Как будет «лето» во множественном числе, загадка – многие лета? И еще унылые поры – осени, тоже не фонтан получилось.

У нас с Олафом – ооооо, чего только не произойдет, вот атомной войны разве что пока не было, даже странно.

Да и других тоже. Чего уж там.

У Цэ – там тоже все непросто. У самого Цэ появится Двойная Жизнь помимо брака. У жены Цэ появится Двойная Жизнь помимо брака. И все так и произойдет.

А тогда мы еще сидели и пили у нас на Алексея Толстого, на квадратной кухне с клетчатými стенами, клетка синяя, клетка зеленая, клетка желтая, в каждой клетке по тюльпану, восторг, и пришел Холи Драйвер. Они друг друга называли со Снежаной Константиновной «кисуля», было забавно.

Холи Драйвер стал тоже пить, был конец августа, очень жарко, до Набережной пять минут ходу, собрались и пошли на Дикий Пляж с тем, чтобы встречать закат или рассвет, в общем, за чем-то таким. Кто-то сгонял за пивом еще, сидели на теплых камнях. Душевно беседовали.

Кому-то пришла в голову удачная мысль искупаться, вода обещала временное отдохновение от жары, какую-то даже иллюзию обновления, идею стали горячо обсуждать – никаких купальников, конечно же, ни у кого не было.

В ходе оживленного конструктивного разговора (Снежана Константиновна грубовато заявила, что она голой купаться не полезет при таком количестве взволнованных зрителей) Холи Драйвер что-то пробубнил типа: а я буду, буду, разделюсь и нырну, если Верка тоже пойдет, – а я сразу не возражала – честно, не вижу ничего плохого.

И все разделись, кроме Снежаны Константиновны, и все купались, ничего сексуального, разумеется, зато весело.

Выбравшись из воды, заметила, что Снежана Константиновна ушла. «А куда ты делась-то, – стала ей звонить. – Иди нафиг, я уже сплю», – ответила она приветливо.

Я и внимания особого не обратила. Если честно. Спит и спит. Нафиг так нафиг.

Через несколько лет Снежана Константиновна спокойно скажет, что такого пренебрежительного обращения с собой она простить не смогла, в тот же вечер дала себе страшную клятву отомстить и буквально вынашивала в пышной груди стратегические планы. Носила, грела, хранила, как золотое яичко: цыпленок давно сдох, но выкинуть было жалко.

Надо же понимать, что вот я смотрю в окно и страдаю. Крашу ресницы и печалюсь. Мою посуду и начинаю рыдать. Да. И это очень хорошо, и правильно, и нужно. Это и называется у человечества: отношения (сложные).

Зато я обхожу какую-нибудь гребаную лужу по кирпичам и внезапно делаюсь счастлива. Верчусь на стуле, складывая слова в нормальную фразу, и смеюсь на ровном месте просто от удовольствия вспоминать тебя.

Думаю: «В жизни всегда есть место подвигу!» Или что-то такое. Или совсем другое.

22 марта

00.30

Завтра день рождения у Олафовского старшего сына, ребенка Алеша – назван в честь старейшего и любимейшего Олафовского же друга, понятное дело. Ребенку Алеше исполняется четырнадцать, он выше меня на целую голову (что нетрудно), а когда мы с ним познакомились, соответственно, ему было – два года. Вообще-то, доктор, он ко мне относится скорее хорошо, не потому что я – идеал мачехи или что-то такое, а потому, наверное, что я хитрая лиса и добилась «дешевой популярности», как это дружелюбно называет мама ребенка Алеша – Олюшка. Реально, сложного тут ничего не было: дети ко всему относятся проще, например, им не надо придумывать никаких дурацких поводов для вручения подарков, подойдет любой день, и я много всякого передарила ребенку Алеше; не заставляла его «есть с хлебом», спать днем, а сейчас вот разрешаю шариться в Интернете и смотреть кабельное ТВ – ничего такого в Олюшкином доме проделывать, разумеется, нельзя.

Здорово было, когда младенец Алеша с жаром рассказывал о своей битве с недругом в детском саду: «Я его толкнул, он отлетел на два сантиметра». Хороший мальчик.

Сейчас пишет стихи, Олаф случайно нашел клочок бумажки и буквально насторожился – я его успокаивала, пропела песню «по ночам в тиши я пишу стихи, пусть твердят, что пишет каждый в девятнадцать лееет...», Олаф раздраженно отвечал, что сам не написал ни одной строчки и не понимает, почему это должен делать его сын.

Иногда Олаф несколько перегибает со своим как бы солдафонским подходом, а вот я, случайно просматривая его архив смс-сообщений, обнаружила там сохранными личные четверостишия, причем довольно плохие, я не слишком в этом.

Так. Отвлелась.

Когда Олаф отмечал сынов второй день рождения, мы жили вместе еще очень недолго – менее полугода, и с праздника он пришел с ворохом каких-то глупых пакетов и коробок, полных Большой Еды, Салатов и прочей продовольственной Шняги. Очевидно, он скрывал от Олюшки, что «живет с женщиной», и она решила его немного подкормить, беденького, офигеть. Многие мужчины почему-то предпочитают так поступать, мой собственный бывший муж намба уан несколько лет после развода строил из себя сироту и с горечью рассказывал, что буквально стирает целыми днями и ночами рубахи и носки, ест растворимую лапшу, живет в говне, причем все – все! – уже знали его новую подругу (на тот момент – Настю), с которой он вместе и проживал (в говне?), более того – эта самая Настя (мир тесен) была опосредованно со мной знакома, и все такое, передавали друг другу приветы. Бред, бред.

Так вот, принес Олаф целый килограмм, а может и больше, Олюшкиной жратвы, я была в ярости и закидала его жареной картошкой, выгребая ее из пакета дрожащими руками, офигительный был скандал.

Я в ту пору очень напрягалась на ниве домашнего хозяйства, хотела быть для Олафа компетентной во всем, не только в сексе и разговорах, читала-перечитывала кулинарные книги, фантазировала соусы, записывала собственноручно рецепты, и эта несчастная картошка из пакета дооолго мною вспоминалась.

Да и сейчас помню.

01.00

Вернувшись домой после знакомства – не знаю, можно ли употребить такое умеренное выражение? – с В., я прямо прошла к книжным стеллажам (подарок Олафов был мне на какой-то праздник – великолепнейшая Система Полок шириной в одну книгу и во весь наш немаленький коридор, чудо, чудо) и стала методично отбирать литературу для прочтения. Интере-

совали примеры внезапного помешательства примерных жен и бурного секса с незнакомыми хирургами в туалете для инвалидов, идеально подходящей к случаю литературы не нашла.

Вцепилась в «Портрет Алтовити» Муравьевой, потому что люблю этого автора, да и хирург там фигурирует, правда, пластический, неважно – и до следующего свидания перечитала дважды, захватив и другие («Мещанин во дворянстве») ее книги.

Естественно, отыскивать на антресолях «Анну Каренину» я и не подумала, да и «Мадам Бовари» – тоже, как бы сказала моя прекрасная дочь: «Я же знаю, про что там!»

Искала себе оправдания?

Если бы. Виноватой я себя не чувствовала, а чувствовала счастливой, очень счастливой, и единственным, что вызывало беспокойство, была мысль: а узнаю ли я В. на следующей встрече – у меня плохое зрение, и корректируется мною оно только элегантно растягиванием уголков глаз, чего не хотелось бы делать в непосредственной близости от еще неподготовленного Мужчины, возможно, Моей Мечты.

Придумала гениально – явиться своей волей первой в назначенное место, занять правильную позицию и в спокойствии и довольстве дожидаться В., отпивая охлажденное белое вино из сияющего бокала. Закусывая устрицами эскар-го. Десерт не подается. Разъезжаются в экипажах.

Встречу назначили, подходящим алиби я себя обеспечила (вечеринка у Эмилии, мы иногда собираемся у старушки Эмилии, говорим о девичьем).

Очень, очень мучилась с выбором наряда: у меня вообще мало одежд, на работу я шнырю в джинсах и всем таком, для официальных мероприятий имеется отчетно-перевыборный костюмец и два Черных Платья, № 1 и № 2, что конечно же – полное НЕ ТО.

01.25

Вышел из спальни Олаф. Объявил, что, раз уж я не сплю, могла бы ему приготовить каких-нибудь вкусных и полезных пищ, я отправилась на кухню и стала оглашать содержимое Холодильника.

Куриный суп он отверг сразу, а зря, очень вкусный, с клецками, на гречневую кашу сделал брезгливое лицо, на сыр (отличный сыр, литовский пармезан, очччень твердый) – изобразил приступ удушья, котлета заинтересовала мужа больше. Поставила котлету греть в микроволновке, заварила чай, даже и хлеба отыскала – обычно с хлебами у меня беда, забываю купить – а все потому, что сама не ем. Эгоистка. Или точнее не так – нет, что эгоистка, это бесспорно, а хлеб я покупаю, только не простецкий «кирпич», как требуется Олафу, а что-то круто навороченное много и/или цельнозерновое, а еще с орехами, черносливами и изюмами, ммммм, обожаю такой хлеб, он называется «Шампанское», а что, довольно уместно.

Шампанского хочется. Сухого.

Вернулась к компьютеру под приветливое мужжево ворчание: «Сумасшедшая, спать надо ночью, спать... или вот есть хотя бы...» – вспомнил, очевидно, что и сам как-то вроде и не спит.

01.35

Вышла дочь, ребенок Лиза, на запах разогретой и взбодренной соусом котлеты. Стрдальчески простонала, как она обычно и делает в разговоре с родителями, «хочу покууушать», не устаю поправлять, что про себя надо говорить «хочу есть».

Вообще, одно время я дико загонялась на предмет различных видов еды как признака определенного места обитания мужчины. Наверное, по времени это совпало с началом совместнейшего проживания с Олафом, я помню, потому что, как думала: «Вот и у меня, и у Олафа поменялось многое: квартиры, спутники жизни, маршруты передвижений, кровати – это да. Но я сейчас готовлю и ем ту же пищу, что и месяц назад, что и год назад, что и всегда, потому что в основном (если не считать периодов освоения мною Кухонь Народов Мира) я

делаю на кухне то же, что и моя мама, только вот я единственное что – ни разу не готовила жареную картошку со свининой, а почему, кстати?.. А мужчина-то вынужден, мало того что разводиться со старыми женами, домами и привычками, а еще и поедать новые еды, кушанья и яства и, что характерно, не смей выражать неудовольствия».

Не люблю экспериментов (личных) с едой.

Я и в гости-то поэтому не хожу – приходится непременно угощаться неизвестными блюдами (народов мира?), а я уже давно даже не могу есть и то, что готовит моя собственная мать, – только то, что сама. Настряпаю себе крупы, и ннуу ее жрать, аж за ушами пищит. Или трещит?

Ну и не хочется, ясное дело, объяснять, что вот мяса я, красавица Маруся, не ем, рыбы не ем, салат только вот этакий, а такой – ннуу нет, такую неприятную гостью хочется нахлопать по роже настольной лампой, а не то что.

Так и повелось, что все толпятся у нас. Удачно так повелось.

02.45

Не могу поверить – телефонный звонок. Звонила Машка и буквально рыдала в трубку, прорыдала мне ужасную, ужасную историю. Вообще, Машка никогда не звонит никому в два ночи, Машка ложится спать часов в десять, а просыпается примерно в шесть, и так каждый день. Уважительно относится к снам, записывает их и помнит все. Удивительно.

Так вот, кретинская из кретинских Машкиных история, рассказанная ей самой.

У Машки есть бывший муж, Военный Человек. Он оставил Машку более двух лет назад на две недели, а потом вернулся, но сугубо фрагментарно. Все сложилось просто великолепно-нейшим образом, по-моему, это и называется у Человечества: компромисс. У мужской половины уж точно. В данном конкретном случае Компромисс выглядит так: Военный Человек проживает с разлучницей-разлукой – молодой толстой Гретхен, а Машка – с малолетней дочерью Дарьей, и ей (Машке, не малолетней же дочери Дарье) запрещены любого рода контакты с мужчинами, кроме Военного Человека, появляющегося раз в неделю, по воскресеньям, чтобы поиметь постсупружеский секс, ведь он «любит и Машу тоже».

Причем, чтобы Маша окончательно не сочла жизнь медом и не раскатывалась как сыр в масле, молодая толстая Гретхен дополнительно сильно напрягается: с периодичностью три раза в неделю возникает на ее горизонте с разными полезными советами, пожеланиями и емкими характеристиками, например, одна из последних ее смс-ок гласила: «Ну что, горбатая нищенка? Не подохла еще, морщинистая старая сука? Ты не только жена, ты и мать фиговая!»

Молодая толстая Гретхен очень хочет, чтобы Военный Человек не имел не только бывшей жены, но и малолетней дочери Дарьи. Как это сделать, она не знает, но испробовала уже многое.

Сегодняшним вечером Машка обнаружила глумливую Гретхенскую физиономию «в гостях» на своей странице в одноклассниках и ровно семнадцать теплых, дружественных посланий от нее же. На Гретхеновской странице молодая толстая Гретхен имела Машкину фамилию и штук восемьдесят фотографий, в том числе и на фоне Военного Человека.

Машка была безутешна, все повторяла, что жизнь потеряла всякий смысл, что она горбатая нищенка и старая морщинистая сука, а также фиговая жена и мать.

Проговорили почти около часа, вроде бы ей немного полегчало: я к месту пересказала ей всяческие собственные неприятности и превратности судьбы, вчерашний малый скандал с Олафом, телефонную ссору с другом детства и малоприятный разговор со свекровью, посоветовавшей мне закапывать в нос мочу пополам с луковым соком.

Еще я в который раз предметно описала, как следовало бы поступить с Гретхен: расчленив ее на мелкие части, упаковать в черные пакеты для мусора с завязками, пакеты сплавить по Волге вниз, вниз, к Астрахани, а на пляже после всего этого станцевать аргентинское танго. Или ламбаду.

Машу это обычно очень подбадривает, как соус котлету.

Договорились с ней завтра открыть весенне-летний сезон – распитием нефильтрованного (я) и светлого (она) пива на Набережной, а и плевать, что обещали снегопады, отлично, я считаю – для конца марта. Вообще, когда слушала этот прогноз погоды, даже решила, что это про кого-то не про нас говорят, а про Петропавловск-Камчатский. Раз там Вечная Полночь, значит, и снега по пояс в марте им – самое то.

Что происходит, с регулярностью обеденного перерыва спрашивает меня мой муж? Что с тобой происходит, что мучает?

Хотела бы я, чтобы ответить на этот вопрос можно было односложно и просто. Например: разбила Голубую Чашку и петляю по дорогам, размахивая шелковым платочком. Или: выбросила из окна ненавистную Манную кашу (с комками, блюэээ), а она чудесным образом оказалась на шляпе гражданина в пальто (в моем детстве была кукла, называлась: «Андрюша в пальто», клянусь). Или: продала японской разведке, лимонножелтой из-за вечно Восходящего солнца, Военную тайну. Про атомную бомбу. Или ядерную.

Но нет, нет, не разложишь на квадратные многочлены, не разрубишь на аккуратные составляющие для рагу Кухонным Ножом (лезвие 20 см, уважаю большие) мои идиотские причины.

Разве что вывесить себе на гладкий лоб (1 доза ботокса, и скажи морщинам: до свиданья) объявление: «РЕМОНТ». Мне кажется, я должна закрыться на реконструкцию. И переучет. Так как-то приличнее, чем плотно завязать глаза чОрным шарфом, и так далее и жить, я так виртуознее всех виртуозов умею.

Страдаю я, понимаешь?

23 марта

00.15

Уфффф, собираюсь прямо сейчас записать про Первое Настоящее Свидание с В., сколько можно какие-то отрывки, и не буду отвлекаться ни на что. Сейчас только про Машку.

Сезон мы с ней открыли, прикололись под мокрым снегом, или как назвать всю эту сволочь, что сыпалась с неба, вдоволь наобсуждали молодую толстую Гретхен, причем вспомнили всего раза три-четыре, как: 1) Машка с ней подралась на улице, около метро – с вырыванием волос и царапанием щек, как все нормальные люди, и как 2) Вера не пустила Гретхен на порог, Гретхен собиралась дружить со мной семьями и разговаривать о вечном, невероятно это оказалось сложным: отказать кому-то от дома.

Как это ранее АнныПаллыШерер устраивались, не знаю.

Еще Машка буквально наизусть зачитывала отрывки из характеристик, заливаясь смехом, она теперь большой начальник, и у нее заведующие пишут на сотрудников, мне очень понравилось: «...особенно ей удается проведение русских традиционных праздников, таких как День Победы, День независимости России, 8 Марта, День пожилого человека...» – и показывала фотографии из туалета Губернской Думы, шедевр.

Замерзли с ней, как две собаки. Но пиво выпили.

Вечером достаточно мило говорили по телефону со Снежаной Константиновной, она даже мне читала свои стихи, точнее свой стих, он один, четверостишие, примерно такое: «ах ты ушел, ну и не надо, мне больно-то тебя любить, тебя я буду ненавидеть и поскорей тебя забыть», и в это время пришла Соседка из 2-й квартиры, которая насчет почитать книжек.

Я в одно ухо говорила со Снежаной Константиновной, в другое запускала Соседку из 2-й квартиры к книгам, что-то приветливо ей пробалтывая: ах, дддобрый вечер, Снежана Константиновна вдруг прервала литературно-поэтический утренник и заговорщицким тоном сказала: а я сейчас что-то тебе важное сообщу.

– Ах, Снежана, – испугалась я, – а стоит ли? Сможем ли мы с тобой после этого остаться Настоящими Друзьями? Не много ли испытаний нам и так пришлось вынести?

– Сможем, – твердо заявила Снежана Константиновна, – так вот слуууушай. Я тебе прочитаю сейчас ВСЕ СМС-КИ за день, что прислал мне этот Гад.

– Вера, – спросила Соседка из 2-й квартиры, а вот «Я тебя люблю, и я тебя тоже нет»,⁵ это про что? Вот, вот, маленькая такая.

– Про любовь женщин к женщинам, – быстро ответила я Соседке, – очень хорошая, читала несколько раз.

– Может, ну его? Гада? – осторожно ответила я подруге.

– Нет. Ты послушай. А хочешь, я тебе СЕЙЧАС ПЕРЕШЛЮ их все? – взволновалась Снежжана Константиновна.

– Это про лесбиянок, что ли? – недовольно поморщилась Соседка из 2-й квартиры.

– Не надо пересылать! – возразила я Снежжане Константиновне. – Я Гадов почерк плохо разбираю.

– Не люблю слово «лесбиянки», какое-то оно мерзкое, – объяснила Соседке, – но, в общем, да.

– И ты читаешь такую пакость? И еще перечитываешь? – Соседка сделала такое высоко-нравственное лицо, будто это не она позавчера мне доверительно шептала в подъезде: «Приходил любовник. Потрахались. Абсолютный ноль. Но посмотрится».

⁵ Роман Сони Адлер.

– Не хочешь поучаствовать в жизни подруги? – Голос Снежаны Константиновны приобрел знакомую мне пионерскую звонкость.

– Нет, Вер, я бы хотела что-то такое, знаешь, про настоящую любовь...

– А любовь всегда настоящая, и у бабушки к внучке, и у девочки к кошке, – сказала я Соседке из 2-й квартиры, – а уж у людей-то.

– Читай, слушаю тебя... только буду отвлекаться, у меня – Соседка. Из второй квартиры.

– Гони ее на фиг, – потребовала подруга со знанием дела, – она тебя использует и не любит.

Сумасшедший дом. Подумала я. Ничего более, ничего более.

00.30

Вера, давай уже соберись. Про свидание. Первое. С В.

Ночь перед свиданием я не спала: дополнительно и нервно вылизывала квартиру, добираясь до труднодоступных и неожиданных мест, в ядовитых парах доместоса начищала все, до чего дотянулась рука в перчатке, даже и кафель в ванной, даже и плафон в туалете, отдувалась и думала примерно так: «Через 16 часов 42 минуты я его увижу, через 16 часов 41 минуту я его увижу, через 16 часов...» – в общем, понятно; уверена, кстати, что В. спокойно почивал, смотрел прекрасные сны и уж точно не считал никаких дурацких минут. И часов.

После длительных раздумий и смен около трех десятков вариантов нарядов я надела: а) рваные на коленке узкие черные джинсы, б) черный свитер.

За полчаса до события я уже прыгала в гардеробе выбранного кафе, пытаюсь хоть как-то забросить свой берет на высоченную вешалку, не получилось, засунула, отвратительно скомкав, в пуховиковский рукав, туда же втиснула шарф. Неважно.

Устроилась за каким-то столиком, замечательным тем, что он непосредственно находился напротив входа. Правильное место. Если он сам только не Великий Слепой, думала я, не промахнется. Купила бутылку пива.

От волнения выпила чуть не залпом бутылку холодного пива, уже любовно ласкала взглядом другую, но – Облом Обломович Обломов – за пять минут до назначенного времени по телефону позвонил Мужской Голос и сообщил, что В. подойти, к сожалению, не сможет, так как занят, к сожалению, на работе – не закончил плановую операцию. К сожалению. Очень извиняется.

Мужской Голос попрощался, я ощутила такое острое чувство утраты, потери, сиротства, горя, просто конца всего, обрушения Вселенной, что на малое время забыла, что нахожусь в присутственном месте и надо соответствовать. Пару минут бурно пострадала. С заламыванием пальцев и протяжными беззвучными стонами. Далее прошла к барной стойке, расплатилась за выпитое холодное пиво, одна бутылка, машинально оделась, размеренным шагом вышла.

Огляделась вокруг, нашла вывеску ПРОДУКТЫ 24 ЧАСА ВСЕГДА В ПРОДАЖЕ МЯСО БОРСКОГО РАЙОНА, поспешила туда. Отыскала алкогольный отдел, пристроилась в небольшую очередь из неосознавших алкоголиков:

– Будьте добры, дагестанский коньяк пять звездочек! Да, да, маленькую фляжку. Спасибо.

Еще не выйдя из магазина, отвинтила пробку, глотнула, воспринимая жжение во рту, жар по пищеводу и распространяющееся тепло по телу – как счастье.

Вышла, не думая и не взвешивая никаких за и никаких против, побежала на стоянку такси. Быстрой. Прыжками. В голову не пришло, что неудобно, что не захочет видеть. Что так вообще не делают. Что

Девичья Гордость. Что Женская Скромность. Что понятия не имею, где его искать. В каком кабинете, с каким четырехзначным номером. И в кабинете ли вообще. Уселась в машину, перевела дыхание, уже достаточно бодро назвала адрес Больницы, это было довольно

далеко, времени хватило на граммов сто коньяку, на протереть сапоги «мгновенным блеском» и на посмотреть в зеркало. Поправила глаз. Намазала губы блеском. Надушилась Гипнозом, он пахнет ванилью, очень приятно. Понюхала с удовольствием личную руку, и еще раз. Бегло лишний раз заметила, что офигительная дура.

А вот задуматься о том, что Бог, может, хотел мне сообщить: «Нечего ввязываться в эту шнягу, иди, Вера, домой, и вообще», – нет, это я не успела. Я была слишком занята, поправляя макияж.

01.00

Много раз убеждалась, что надо прислушиваться к каким-то намекам и помигиваниям судьбы. Не знаю, как назвать точнее. Вариант интуиции. Но дело в том, что я никак не могу определить, есть ли интуиция у меня, и как она себя проявляет, если есть. Ну матренаиванна, да.

Угадал все буквы, но не смог прочитать слово.

Моя подруга Маша называет любые свои предчувствия «проницательность личной ауры» и очень верит этой своей личной ауре.

Например: дождь на улице – сиди вроде бы дома, мокнуть как-то не хочется. Личная аура против твоего похода куда-либо. Нет, ты валишь за какими-нибудь коржиками с сахаром, падаешь в лужу, рвешь куртку, ломаешь ногу, два месяца ковыляешь потихонечку на костылях, все счастливы.

01.30

Никогда не допишу.

Звонок. Подруга Лидонька из города на Неве решила проинформировать меня о состоянии своей непростой личной жизни.

С Лидкой мы дружим с какого-то прямо младенчества, когда-то она была меня младше года на три, а сейчас мы ровесницы, даже она немного уже постарше. На годок.

Долгое время родители Лидки защищали рубежи нашей Родины в Западно-германской группе войск, Лидка болталась в Самаре с бабушкой, стоматологом Доротеей Марковной, а от мамы и папы получала трикотажные костюмцы производства дружественной ГДР и жвачки. Жвачками угощалась я. Неподходящие тощей Лидке по размеру трикотажные костюмцы отдавались тоже мне. Все были довольны.

Сейчас у Лидки есть муж (кодовое название Зануда), Любимый Человек (кодовое название Любимый Человек) и ребенок Глебушка, замечательно рыжий-рыжий и конопатый.

Лидка живет с Занудой, ребенком Глебушкой и бабушкой Доротеей Марковной, стоматологом, в Санкт-Петербурге, а Лидкин Любимый Человек – с женой и взрослым сыном – в Москве.

Лидка очень увлекается рассказами о вредоносности Зануды, душевной красоте Любимого

Человека, убожестве и непривлекательности его жены-Квазимодины и катастрофической нехватке секса как такового.

– Прикинь, Верк, – возбужденно заговорила она, – а Зануда мне и говорит: «Свитера из кашемира, моя дорогая, либо стирают вручную в мыльной пене, либо чистят в сухой химчистке...» А я ему, прикинь, такая отвечаю: «Ты бы член свой простирнул вручную в мыльной пене, может, был бы толк!»

– Грубая ты, Лидия. Мы вот прямо не понимаем вас, Лидия. Вы же культурный человек, классику читаете. Знаю, новую Донцову покупали третьего дни... «Повесть о настоящем снежном человеке»...

– Вера, иди на фиг, у нас с Занудой секса вообще, блин, с августа не было!

зочки в сияющие насмешливо и паскудно небеса и просто физически ощутить, что ни хрена это не конец падения, не дно, просто выступ по пути, и хуже может быть всегда, и тебе еще лететь и лететь, вниз-вниз, да здравствует белокроличья дыра, твоя личная излюбленная дорога; хорошо уметь перевернуться в полете, имея в виду приземлиться как-то более-менее на четыре лапы – женицина-кошка. А потом идти, прихрамывая, подволакивая одну из ног, лучше левую, в голос потешаясь над тем, что ошиблась в сотый раз, и заранее очень зная, что позволишь себе точно так же ошибиться и в сто первый, и в сто второй. И в сто третий. Если Бог даст.

24 марта

00.25

Утром Начальник Фединька бодро зашел в кабинет, где мы с Аленой и администратором Геней напряженно работали, не поднимая голов (трепались об общих знакомых). Вид у него был, как у прилетевшего вдруг волшебника в голубом вертолете, а голос – какой-то я бы даже сказала, игривый. В руках Начальник держал какие-то бумаги.

– А что это здесь у Федора Петровича есть для вас, тунеядцы? – приветливо улыбнулся он.

Мы с Аленой переглянулись. «Премия в размере оклада!» – просверкнуло в ее глазах. «В двух!» – захотела большего я. «Бонус по итогам года», – размечтался неадекватный Гена.

– Это то, о чем мы говорили вчера, – пояснил Начальник, – да-да, я свои обещания помню! Вот, принес! Как и обещал! Федор Петрович сказал – Федор Петрович сделал!

Лично со мной вчера Начальник говорил о теории фашизма, и я призадумалась.

– Ладно, не буду вас томить, – сжалился он, наблюдая за нашим тягостным недоумением, – вот, держите! Кто о вас позаботится-то, кроме меня! Читайте только вслух! Потом обсудим! Это приказ.

Широким жестом роскошно кинул бумаги веером на мой стол и вышел.

Я аккуратно и чуть испуганно посмотрела. Это была распечатка безумной статьи о причинах возникновения и тенденциях Мирового Финансового Кризиса на 11 (!!!!!!!) листах, черт-те что, 11 листов абсолютно идиотского текста!

Запомнился следующий полезный практический совет: «вкладывать как небольшие суммы, так и сотни миллионов в евро».

Боюсь даже себе представить человека, написавшего это. Просто Лев Толстой какой-то, как зеркало, блин.

Выдумываю всяческие способы минимизировать душевные потери от Всеобщих Разговоров про Кризис, типа психологических приемов, ну Вы-то наверняка знаете, доктор, например, воображать себя в стеклянном колпаке или там всех вокруг в нижнем белье. Очень помогает, если вместо Кризис подставлять другое слово. Из шести букв. Космос. Компас. Кускус. Каркас. Кис-Кис.

Получается довольно смешно:

«Американский президент Барак Обама, относительно прогнозов космоса (кус-куса? кис-киса?) в США, заявляет, что дальше будет только хуже». Или: «Как пережить космос».

Сразу ясно, что – непросто.

Алена подошла и с ужасом начала читать, двигая пальцем по строчкам.

– Все, ребята, завтра приходите на полчаса раньше, я буду политинформацию проводить! – развеселилась я.

Кстати, вот в школе у нас очень была распространена такая штука – политинформация. Надо было выходить и минут пятнадцать нести какой-то бред о дружественных народах Намибии или там Зимбабве, каждая крошка в ладошку Никарагуа, а вот еще можно было про Альваро Торо Вегу и Орасио Лиру, такие специальные латиноамериканские борцы за мир, что ли, кошмар какой-то, зачем я помню-то это?

А как-то я не подготовилась к выступлению и была заставлена писать Объяснительную на имя директора.

00.45

Еще сегодня очень хорошо провела время в неожиданном месте – обувном салоне. Пришла посмотреть кроссовки «СагегрШаг», хочу купить сыну, ноги у нас одинаковые по раз-

меру, но мои любят мотаться по магазинам, а его – нет. Решила примерить несколько пар; если продавец и удивился, что к черному узкому пальто и шляпке с цветком я удачно подобрала коллекцию кондовых бот на «тракторе», то ничего не сказал, а даже схватил мои личные снятые сапоги и со словами: позвольте мне! – понес их мыть!!!! Мыть!!!! Пока я напяливала кроссовки, вернул мне ЧИСТУЮ обувь, сначала было неудобно, потому что я не привыкла к ухаживаниям и на комплимент о хорошем виде отвечаю: а, это просто новая пудра Герлен, но потом – расслабилась, вальяжно развалилась в кресле, только и успевала подавать ногу для надевания на нее ботинок – вот так и должна жить Женщина.

01.00

Только вымоешь посуду
Глядь – уж новая лежит
Уж какая тут свобода
Тут до старости б дожить
Правда, можно и не мыть
Да вот тут приходят разные
Говорят: посуда грязная —
Где уж тут свободе быть.

Это Пригова стихи. Нравятся мне. Я грязную посуду ненавижу и мою в любой момент времени, когда встречаю ее на своем пути, но спасает это меня мало, с таким количеством бытовых фашистов. Я про детей и Олафа.

01.15

Снежана Константиновна рапортовала вечером по телефону:

– У нас все хорошо, мы переехали в новый кабинет, после ремонта, только к нам подсе-
лили нового сотрудника, и он почему-то уже считает, что я его ненавижу.

– Ээээ, ммм, скажем мягко, так не без основания считает половина человечества.

– Нет, ну я терплю же его! Я только запрещаю ему шуметь, включать принтер, ставить чашки на мой стол, и вообще на все столы, включать радио, хлопать дверью, открывать окно и...

– Дышать?

– Нет! Не смешно. Нормальный мужик. Нравится мне даже, кстати: одет прилично и говном не пахнет. Он нам, кстати, типа на новоселье вручил в подарок элитного швейцарского шоколада. Ты знаешь, такой крутой, в Главпродукте, в форме всяких рыбок. И мои рыбочки стремительно кончаются, скоро у меня вообще реально не будет ни одного довода в пользу того, чтобы оставить этого хрена в живых.

01.35

Выполз Олаф. Выпил воды, глянул на монитор, констатировал точное время: один час тридцать пять минут. Уполз.

Поразглядывала его при неярком лампочкинном свете: вдруг неожиданно показался мне непростительно и неузнаваемо красивым, аж офигела – я и забыла, что у него глаза при определенном освещении фисташкового оттенка, ресницы прямые, и их много, и пятьдесят шесть разновидностей улыбки – мрачноватая, глумливая, задумчивая, провокационная, язвительная, недоуменная, обескураженная, улыбка-замыслившего-недоброе – в общем, целый bestiary; и еще волосы – по-настоящему русые, непослушные, полукудрявые какие-то, взъерошенные вечно; и я причем все еще прекрасно помню свое первое впечатление от этого человека, когда

он меня просто ужаснул, – не расстающийся с сигаретой, закуривает одну от другой, сильно небритый, в надвинутом капюшоне от серой и рваной толстовки, высоких солдатских ботинках...

Начиная думать об Олафе, быстро переключаюсь на В., поздравляю, Вера, это ты как раз молодец.

Правильно ли это, дорогая редакция? Ответьте, пожалуйста. Пиши про свидание с В., какая тебе редакция, матренаиванна.

02.00

После со мной и бутылкой коньяка на мраморном больничном крыльце, В. романтично взял меня за кончики замерзших пальцев и повел внутрь. Это было очень эротично, сгущающаяся темнота вокруг, новые неожиданные запахи, отступает холод и моя рука вложена в его руку, я немного поплыла, но В. громко и недовольно произнес: «Так, сейчас надевай вот здесь халат, будешь медсестра» «По глазки?» – пискнула я.

(Песня незабвенного Филиппа-блин-Киркорова: «Медсестра По Глазки в марлевой повязке», глупая Вера никак не могла уразуметь, что такое это самое ПОГЛАЗКИ, румынская фамилия медсестры?!)

Халат, протянутый В., был ужасен: в каких-то отвратительных пятнах, мятый, огромный, он абсолютно не соответствовал моим представлениям о собственном внешнем виде на свидании с возлюбленным мужчиной, и я закручинилась. В. же смотрел на меня небольшими голубыми насмешливыми глазочками, он так умел смотреть, специальным взглядом, как будто ставил на меня печать: вот здесь. И здесь. И потом еще воооот здесь.

И я взяла противный халат в отвратительных пятнах и надела противный халат в отвратительных пятнах, плюс он мерзко пах дезинфекцией.

«По крайней мере они его дезинфицировали», – уныло подумала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.